

все присутствующие по очереди высказываются о предстоящей битве, доходит очередь до глубокого старца, которого все считают выжившим из ума, ему „с небрежением“ предлагают высказаться, но он мужественно говорит правду в лицо, чем вызывает гнев князя.

Самое существенное, однако, что на этом эпизод не кончается. В момент ночного „пополоха“ в лагере суздальцев, вызванного шумом в расположении противников, старец вновь является перед суздальскими князьями и насмешливо успокаивает их: „ничто же видев, почто хочете бежати? не рех ли аз вам безумнем, яко лутчи вам миритися, се бо ни единого мертваго ни кроваваго видесте, и тако усътрашистеса и на бежание уклонистеса; егда же увидите вищша сего сотворшася над вами, что тогда не постражете“. И на этот раз суздальцы не внимают увещаниям старца, отсылая его от себя прочь „безчестна“. Происходит битва в ней на стороне противников Юрия и Ярослава принимает участие Александр Попович, о котором предупреждал суздальцев старец, и суздальцы разбиты.

Природа не сочувственно относится к братоубийственной вражде; перед битвой: „въста ветр, и прииде облак, и биаше гром безпрестани, и мльниа сожигающи страшно, и бысть страх на всех, и стоаху много, ни сии ни они друг на друга не поступающе, ни мира хотяще: разсверещася бо яко звери“.

Наконец, в описание самой битвы введен новый эпизод встречи в бою Мстислава Мстиславича с Александром Поповичем. Мстислав Удалой трижды проехал с топором в руке через полки суздальцев. Встреченный им Александр Попович не узнает его: „И прииде на него Александр Поповичъ, имае меч наг, хотя разреши его: бе бо силен и славен богатырь. Он же возопи глаголя: яко аз есмь князь Мстислав Мстиславичъ Новгородцкый; он же уставися, и тако спасе его бог от смерти. И рече ему Александр Поповичъ: «княже! ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты, глава, убиен будеши, и что суть иныя, и камо ся им дети?»“¹ Произнесенное Александром Поповичем наставление не лишено интереса для выяснения хронологии создания этого сюжета: в нем отразились военные воззрения XV—XVI вв., что предводитель войска не должен принимать личного участия в боевых схватках, чтобы не подвергать своей жизни опасности: „егда убо ты, глава, убиен будеши, и что суть иныя и камо ся им дети?“ В XIII и в начале XIV в. князья еще принимали личное участие в битве, но уже Дмитрий Донской отдал в битве свой шлем похожему на него по виду воину.² Таким образом в эпизоде этом как бы летописи как обращение к князьям. За последнее говорит несогласованность формы единственного числа „твори“ с обращением к двум князьям (Юрию и Ярославу), требовавшим множественного числа.

¹ См. об этом: В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II, стр. 78, и сл.

² Ср. в Сказании о Мамаевом побоище: когда Дмитрий захотел сам биться в полку, „мнози жо рустии богатыри (!) удръжавше его възбраняше ему ржуще не подобает тебе, великому князю, самому в полку битися, тебе подобает особе стояти